

ЭДУАРДО КАРРАНСА

Перевод с испанского Сергея Гончаренко *

Настойчивый сонет о сне

И облако ее волос текло
дождем в мой сон. И снилось мне жасмином
былое лето. И платком карминным,
трепещущим в ее руках, стекло

рассветной раны снова приближалось
ко мне ее губами. Жег огонь
горящих уст. Горячая ладонь
прощалась навсегда... Какая жалость!

Ее рука была моей рекой,
моей листвой, тоской моей — такой,
что надо мною коршуном снижалось

в разлуке с нею небо. Упокой
меня, покой разрыва... И тоской
сотри с доски стихи... Какая жалость!

---

* Эдуардо Карранса — Стихи (*Перевод с испанского Сергея Гончаренко*)
// *Поэзия Колумбии* (М.: Художественная литература, 1991), 189–197.
Некоммерческое электронное издание. «*Im Werden Verlag*», 2008.
<http://imwerden.de>

Сонет проснувшейся Тересе

Тереса, как в истоках лепестка —
начало аромата, так у неба
начало там, где словно я и не был:
в твоих очах. Два певчих родника

твоей весны, не знающей ни веса,
ни времени... Рожь, роза, виноград —
не тело, а упругий водопад
с тревожно-терпким именем Тереса.

Ради тебя, дитя луны и дня,
не реквием открылся для меня,
а дверца иронического скерцо.

Спешу... Пишу влюбленною рукой.
Пребудь, Тереса, трепетной рекой,
ради которой снова бьется сердце.

Сонет о кромешном «кроме»

Все хорошо. И росный луг, и эти
восторженные ветви на ветру.
Все превосходно. Праздник поутру
проснувшейся природы. Свет и ветер,

Все хорошо. Целую в лоб жену.
Плевать на дождь! Я счастлив. Почему бы
и нет? Другая поцелует в губы.
Я горд за город свой и за страну.

Все превосходно. Улыбнись во сне,
мой младший сын. И сон, и синь в окне —
все для тебя. Проси чего угодно.

Бери весь мир. Он так хорош, такой,
где *кроме* сердца, сжатого тоской,
все замечательно. Все превосходно.

Оленье солнце

Моей маме

Я помню: оленье солнце
вросло рогами в сумрак.
Вдали стекленели горы,
прозрачные, как рисунок
ребенка... Я был ребенком,
чей взгляд одинокой болью
струился, как наша речка,
поющая вдоль по полю
печальную песню русла.
Я помню, как мне с балкона
открылось, что мирозданье
мечтательно и бездонно,
и сон оленьего солнца,
казалось, навеки вечен.
А с трепетных губ жасмина,
как вздох, поднимался вечер.
Дышали стихом грядущим
и сок лепестка, и мякоть.
И было столь синим небо,
что очень хотелось плакать.
Я с мамой молчал. И это
безмолвие было в ранге
святой тишины, в которой
над нами витает ангел.
Мы в эту минуту были
во сне прозрачного слова,
отчеркнутого кристаллом
от четкой черты земного
и времени, и пространства...
Я помню себя ребенком.
Я помню солнце безрогим,
безропотным олененком.
Резвилось оно, катилось
на дно витражей заката.
Вживались мы в зазеркалье
стеклянного небоската.
Цвели розмарины, мама,
устаи прозрачных вестниц.
Предчувствием поцелуя
порхали улыбки сверстниц.
Сон солнца, рассказ луча ли,
аквариум акварели?
Из клетки сиял, из кроны ль
кристалл соловьиной трели?
Казалось, что все на свете
из воздуха и дыханья.
Казалось, что все готово
к свечению и порханью.

Но это мгновенье длилось
не более, чем мгновенье,
и смаргивалось ресницей
печального отрезвенья.
Пружина часов сминала
зеркальную гладь покоя,
и снова кристалл разлуки
оказывался рекою.
Но долго на дне заката,
обрызганы красной пылью,
вечернего перезвона
прозрачные крылья плыли.
Я помню: оленье солнце
вросло рогами в сумрак,
и был оком прозрачен
и чист, как детский рисунок.
Конечно, я был ребенком,
но снова твержу устало:
прекрасное — невозможно,
и все же существовало.

Прощанье с девушками

Девушки, от ваших тонких талий
свет струился или что-то вроде...
Вы не обитали, а витали
в милом мире медленных мелодий.

Девушки, ваш тростниковый трепет
отзывался громким гулом в храме.
Отражался ваш беспечный лепет
в бездне мира мудрыми стихами.

Где вы ныне? Эх, туда и мне бы —
там земля перетекает в небо,
там река небесная, как устье

аромата злой метаморфозы...
Уходя от вас в пустыню прозы,
я дарю вам эту розу грусти.

Тема огня и моря

Огонь и море разве что и смеют
глядеть в глаза друг другу даже ночью.
Твое лицо и есть волна и пламя.
Костер и море ты вместила в очи.

Ты из пожара и струи студеной.
Лед, лава, щебет птиц и скрежет щебня.
Ты знаешь, чем кончается горенье,
и знаешь тайну вспененного гребня.

Отмеченные синей стынью глуби
и голубым огнем небесной тверди,
твои глаза плывут и пламенеют.
Как море и огонь. Как вызов смерти.

Тема женщины и яблока

Никанору Парре

Женщина надкусила сочное яблоко.
Над черепицей все так же струилось время,
и бежала по лугу длинноногая весна,
смеясь беззаботно, как девушка.
Женщина ела яблоко.
В ней нарождалась живая влага,
и потаенное солнце, озарив ее изнутри,
незримо насыщало ее зрелостью.
В ее волосах разгорался ветер.
Земля в ее руке была травой и розой.
И весна поднимала в битве со смертью
непокорное знамя обреченной синевы.
Женщина ела яблоко.
Горячий голубой сок
пульсировал в ее жилах,
в теле ее текли цветы и рыбы.
Прозрачный бык взволнованного ветра
стонал и хрипел, почуяв издалека
ее осыпанный лепестками лимона затылок.
Пылало белое пламя жасмина.
И море, теплое море, — море! — сияло,
словно глаза влюбленной.
Женщина ела яблоко.
На нее в упор смотрели звезды Гомера.
Над крышами струилось время.
Топоча, разбегались стада сиреневых зверей.

Как в начале начал
и на веки вечных мгновений,
женщина ела яблоко.
Яблоко моего сердца,
которое некогда было и снова станет землей.

Здесь музыка заглядывает в нас

Никанору Сабалете

И вот распахнулись двери ливня,
и мы перешли из дома не знаю куда —
кажется, под крышу цветов и ветра.
Прищурили глаза наши извечные вещи,
зато в упор смотрят на нас ангелы,
просунувшись в окна и форточки.
Плещут струи, и Маргарита
прядет свои сновиденья. Пляшет
пастушка под музыку ветра.
Голубая луна прильнула ливневым лучом
к печальному челу забытого нами.
Апельсиновые лепестки взметнулись
зубчатыми башнями мавританской любви.
И вот отворяются врата безмолвия,
и мы вступаем не знаю куда —
кажется, в задумчивый сад,
отраженный зеркалом речного плеса.
Здесь музыка заглядывает в нас
своими родниковыми глазами.
Здесь музыка протягивает к нам
обнаженно-женственные руки.
Здесь на ветке голубой луны
трепещет соцветье одиночества и нежности,
напитавшее своим ароматом навсегда —
до самой смерти и даже до после нее —
наши глаза,
которые однажды станут прахом.

Вот она, вечная печаль

Тебя, конечно, нарекут молчаньем.
Но воздух, где твои уста звучали,
да наречется воздухом печали.

Да впишется у ветреных гадалок
вином безвинным время нашей встречи:
ты улыбнулась горсточке фиалок!

Я недоверчиво гляжу на пальцы,
ласкавшие тебя рекой-рукою
и спавшие под памятной щекою.

Моя ли ты, рука? Река печали,
знакомая с такими лепестками,
которые пылали, словно пламя!

Однажды я найду себя среди сосен,
где ты приникла кровью, словно кровом,
к моей любви всем сердцем, каждым словом.

Ты станешь тишиной. Ладонь печали
все предсказала... Помнишь, как со мною
ты шла — рука в руке — тропой лесною?

Крылья музыки

Не крылья ли забытой мелодии подняли
из прошлого, из праха, разлюбленную пыль?
Не пепел ли тумана на зыбком пьедестале
слепил печальный контур из миллиона миль?

Нет, память — это знамя. Багетом не обрамить
живого трепетанья на праведном ветру.
Плескайся языками, пылающая память,
борись, былая буря, язычеству в бору!

Категоричны ритмы античного касанья.
Арктические ветры, аттическая соль!
Звезда ли полоснула косою угасанья?
Не знаю, но бемолем пронзила сердце боль.

Колокола, звоните! Пусть звездная разлука,
не разлучив, разучит жасминно-минный путь.
Взмывает ввысь былое на белых крыльях звука.
Корнями скорби небо опять вырастает в грудь.

Комментарии

ЭДУАРДО КАРРАНСА (EDUARDO CARRANZA, 1913—1985). Поэт и прозаик, уже в 30—40-е гг. ставший широко известным почти во всех испаноговорящих странах. Неосимволист по творческим убеждениям, испытавший явное влияние Хуана Рамона Хименеса. Тяготеет к проникновенному лиризму и утонченной метафорической пластике. Автор поэтических антологий «Песни, которыми начинают праздник» (1936), «Голубой декабрь» (1947), «Ты и есть лазурь» (1956), «Забывтый» (1957), «Отзвучавшие шаги» (1970) и других.

Тема женщины и яблока

Никанор Парра (род. в 1914 г.) — чилийский поэт.

Здесь музыка заглядывает в нас

Никанор Сабалета (род. в 1907 г.) — испанский арфист.